

ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О СОЦИАЛЬНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЕ В РИМСКОЙ АФРИКЕ

(*J.-P. BRISSON, Autonomisme et christianisme dans l'Afrique romaine de Septime Sévère à l'invasion vandale, P., 1958, 456 стр.; T. BÜTTNER, Die Circumcellionen — eine sozial-religiöse Bewegung, B., 1959**)

Религиозные движения донатистов и агонистиков в Северной Африке принадлежат к числу наиболее массовых и ярких проявлений классовой борьбы периода поздней античности. В советской историографии эти движения подверглись глубокому исследованию уже в середине и второй половине 30-х годов — в первых работах Н. А. Машкина. Интерес к ним не ослабевал и в последующий период. В исследовании религиозной борьбы в Африке IV—V вв. советские историки внесли существенный новый вклад. Донатизм и в особенности движение агонистиков рассматривались ими прежде всего с точки зрения социальных предпосылок этих движений, их классового содержания и их связи с борьбой эксплуатируемых народных масс против рабовладельческого строя и Римской империи. В этом состояло принципиальное отличие постановки данной проблемы в нашей историографии по сравнению с освещением донатизма в буржуазной науке. На Западе вплоть до недавнего времени изучение религиозной борьбы в поздней Римской Африке шло главным образом по пути выяснения ее фактической истории, которая излагалась как результат столкновения различных конфессиональных концепций либо личных интересов внутри церкви. Лишь немногочисленные авторы пытались связать донатизм с недовольством африканского населения политикой империи (Мартруа) либо с африканской «национальной оппозицией» римскому господству (Тюммель)¹. Но решительный разрыв с традиционным освещением истории донатизма был осуществлен лишь английским историком Френ-

¹⁷ S. A. (Selim Abd ul-Hac), в «Annales archéologiques de Syrie», IV—V (1954—1955), стр. 228—229.

* В кн. Т. Büttner, E. Werner, Circumcellionen und Adamiten. Zwei Formen mittelalterlicher Haeresie, Akademie-Verlag, B., 1959, стр. 1—72.

¹ F. Martroye, Une tentative de révolution sociale en Afrique. Donatistes et circumcellions. «Revue des questions historiques», 32(1904), стр. 353—416, 33(1905), стр. 5—53; W. Tümmel, Zur Beurteilung des Donatismus, Halle, 1893.

дом. В книге Френд «Донатистская церковь — движение протеста в Римской Северной Африке»² изложение фактической истории донатизма сопровождается выяснением социально-политического содержания этого движения. Характерно, что Френд, не будучи знаком с работами советских историков, повторяет многие выводы Н. А. Машкина, сформулированные им еще в 1935 г.³ Обстоятельно исследуя на всем протяжении своего труда социальный состав оппозиционного ортодоксальной церкви религиозного движения, Френд приходит, в частности, к выводу, что эксплуатируемые слои христиан видели в донатизме выражение «духа социальной справедливости, вдохновлявшего примитивную христианскую общину» (ук. соч., стр. 331). Но эта идея проводится Френдом далеко не во всем последовательно. В частности, следуя во многом Тюммелю, он явно склонен к преувеличению роли этнических факторов религиозной борьбы в ущерб факторам социальным, которые — в противоречии с собранными самим автором данными — нередко отходят у него на задний план.

Во всяком случае работа Френда свидетельствует о том, что изучение истории религии как абсолютно самостоятельной сферы, якобы независимой от социально-экономического развития, перестает удовлетворять наиболее трезво мыслящих западных историков. Дальнейшим шагом в этом новом для западной науки направлении в историографии донатизма является последняя работа французского историка Ж.-П. Бриссона, разбор которой предлагается ниже.

Бриссон работает над изучением социальных аспектов истории африканского христианства уже много лет. Его основные взгляды по данному вопросу были изложены в нескольких исследовательских и популярных работах, одна из которых была опубликована на страницах марксистского журнала «La Pensée»⁴. Рецензируемая книга представляет собой фундаментальное исследование, подводнящее итог этому многолетнему труду. Автор не стремится дать хронологически последовательное изложение истории донатизма, так как это уже сделано предшествующими исследователями. Его главная цель состоит, по его собственному выражению, в выяснении «глубоких причин» этого исторического явления (стр. 9). Бриссон отказывается видеть эти причины главным образом в этнических факторах, «в стойкости религиозных и социальных обычаев берберских племен» и убедительно полемизирует по этому вопросу с Френдом (стр. 5 и др.). Основную идею книги автор излагает в предисловии в следующих словах: «Мы пытались понять, как экономический упадок африканской деревни в IV в. содействовал тому, что ее население примкнуло к христианству, оппозиционному римской власти и поддерживаемому ею социальному строю» (стр. 8). Для решения этой основной задачи — установления связи донатизма с настроениями угнетенных и эксплуатируемых масс — автор считает необходимым в первую очередь исследовать религиозно-идеологическую сторону вопроса, выяснить особенности идеологии донатизма, определившие его особую роль в социальной борьбе IV—V вв., и лишь затем оценить связь донатистской схизмы с сопровождавшими ее явлениями социальной жизни. В соответствии с этим планом работа делится на две основные части, которым предшествует введение (стр. 12—30), посвященное главным образом социально-экономической характеристике Римской Африки. Несмотря на относительную краткость этой вводной части работы, она содержит ряд интересных и оригинальных положений и заслуживает поэтому особого рассмотрения.

Оценивая отпадение Северной Африки от Римской империи в V в. как одно из проявлений процесса «перехода от имперского централизма к средневековому феодализму», Бриссон высказывает предположение, что быстрый отрыв Африки от римского мира вряд ли можно приписывать только силе напора завоевателей — вандалов. «Не нашли ли, скорее, вандалские завоеватели в этой стране внутреннюю ситуацию, уже созревшую для политической автономии по отношению к империи, ситуацию, опосредствование которой в религиозном плане дает нам донатизм?» — пишет далее автор (стр. 11). Ключ к ответу на этот вопрос он справедливо ищет в особенностях социально-экономического развития Римской Африки. Бриссон отмечает, что значительное влияние на характер этого развития оказала роль Африки как источника снабжения сельскохозяйственными продуктами Рима и Италии. Автор подчеркивает эксплуататорский, паразитический по отношению к африканским провинциям характер римской власти. Развитие экономики страны в период империи происходило в интересах Италии, а не самой Африки. Массовый экспорт в Италию зерна, оливкового масла и других продуктов не уравновешивался сколько-нибудь удовлетворительным ввозом. Африка оказалась жертвой собственного плодородия: она была лишена важной части своих естественных ресурсов и все больше развивалась по пути замкнутого хозяйства, в условиях,

² W. C. H. F r e n d, *The Donatist Church. A Movement of Protest in Roman North Africa*, Oxf., 1952.

³ См. Н. А. М а ш к и н, Движение агонистиков, «Историк-марксист», 1935, № 1.

⁴ *Les origines du danger social dans l'Afrique chrétienne du IIIe siècle*, «Recherches de science religieuse», 33(1946); *Gloire et misère de l'Afrique chrétienne*, P., 1949; *Luttes religieuses et luttes sociales dans l'Afrique romaine*, «La Pensée», № 67(1956).

препятствовавших регулярному торговому обмену. Автор показывает, что основная масса туземного населения Северной Африки испытывала в период римского господства растущую эксплуатацию и разорение.

Картина, рисуемая Бриссоном, несомненно, резко отличается от распространенного в буржуазной литературе представления о благотворном влиянии римского завоевания на экономическое развитие Северной Африки, о «процветании» африканских провинций в период Ранней империи. Автор, бесспорно, прав, указывая на то отрицательное влияние, которое оказывала на экономическое развитие Северной Африки налоговая эксплуатация со стороны Римского государства, поглощавшая значительную часть ее сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем положение Бриссона о «замкнутом характере» африканской экономики вызывает некоторые сомнения. Вряд ли можно отрицать наличие довольно значительного частного коммерческого экспорта зерна и оливкового масла из Римской Африки. Такой экспорт имел место даже в IV в., несмотря на рост налоговых повинностей в этот период. Лишь этим обстоятельством можно объяснить накопление значительных денежных богатств в городах, основанных на аграрной экономике, расцвет городской жизни во II в. и ее относительно поздний упадок в период Поздней империи. Не учитывать этого значило бы сбрасывать со счета важный компонент социальной жизни Римской Африки: состоятельный слой муниципальных землевладельцев, который и в IV—V вв. сохранял лояльные позиции по отношению к империи⁵. На этот слой опиралась, в частности, африканская ортодоксальная церковь в своей борьбе с донатизмом. С другой стороны, рыночный сбыт африканского хлеба и масла повышал роль товарно-денежных отношений в экономике провинций и тем самым создавал дополнительные факторы усиления эксплуатации зависимых работников, развития ростовщичества, денежной кабалы и тому подобных явлений, которые придавали особую остроту социальным противоречиям в африканской деревне. Неслучайно аграрные движения IV в. были направлены, в частности, против кредиторов. Для более точной оценки предпосылок и специфического характера этих движений важно было бы, следовательно, учесть роль товарно-денежных отношений в африканской экономике.

Особенно интересны те страницы вводной главы, которые посвящены характеристике африканского колоната (стр. 23—28). В западных исследованиях нередко выдвигается гипотеза о некоем особо благоприятном положении африканских колонов, выражавшемся, в частности, в наличии у них широких владельческих прав на обрабатываемую ими землю. Для доказательства этой гипотезы, наиболее активным сторонником которой является французский историк Шарль Сомань⁶, используется весьма произвольная интерпретация известных аграрных документов из Северной Африки: *lex Manciana*, *lex Hadriana de rudibus agris* и «Табличек Альбертини». Бриссон удачно polemизирует с этой концепцией. Он показывает, что право, которое *lex Manciana* предоставлял колонам на вновь освоенную ими землю, не выходило за рамки «гарантии прочности» держания (*une garantie de stabilité*) и не было правом владения, наследования и отчуждения земли (как утверждает Сомань). Если мы встречаемся с более широкими владельческими правами колонов в «Табличках Альбертини» конца V в., отмечает Бриссон, то это связано с изменениями общих условий в Африке в результате вандалского завоевания. Что касается фактического положения африканского сельского населения в период империи, то оно характеризовалось тяжелыми повинностями колонов и ростом их задолженности.

Стремление Бриссона вскрыть социальные и экономические противоречия, характерные для африканских провинций Римской империи, можно только приветствовать. Его замечания об африканском колонате свидетельствуют о четком понимании автором эксплуататорского характера этого института и вносят определенную ясность в некоторые вопросы, связанные с интерпретацией *lex Manciana* и «Табличек Альбертини». В целом материал, приведенный в вводной главе, дает автору необходимую основу для исследования социально-экономических предпосылок религиозной борьбы IV—V вв.

Первая часть работы Бриссона (стр. 33—242) посвящена исследованию религиозной доктрины донатистов. Истоки этой доктрины он видит в африканском христианстве III в. и прежде всего в учении о церкви Киприана. В учении Киприана, как полагает Бриссон, нашла свое выражение враждебность африканских христиан римской власти и защищаемому ею социальному строю (стр. 8). Донатисты восприняли это учение, сложившееся под влиянием преследований Деция и Валериана, и развили его дальше. Исходя из этой основной предпосылки, Бриссон посвящает специальную главу своего исследования «экклесиологии» Киприана (стр. 33—122). Основные черты доктрины Киприана сводятся, по мнению автора, к защите принципа единой церкви и единого епископата, к провозглашению схизмы или ересью любого объединения верующих,

⁵ Подробнее об этом в нашей статье «Североафриканские города в IV веке», ВДИ, 1959, № 3, стр. 78 слл.

⁶ См., например, Ch. S o m a n e, *Le droit*, в кн. «Tablettes Albertini», P., 1952.

находящегося за пределами этой единой церкви, к признанию полной независимости и суверенности каждого епископа в своей епархии. Из этих принципов вытекает непризнание действительности крещения, совершенного вне единственной истинной церкви, и требование вторичного крещения еретиков и схизматиков. Теология Киприана ставит действительность христианских таинств в прямую зависимость от личной святости священнослужителя. Киприан рассматривал церковь как сообщество святых, в котором нет места грешникам. В конечном счете для Киприана характерна идея церкви, отделенной от всех форм зла и устранивающейся от всякого компромисса с враждебным ей внешним миром.

Останавливаясь на причинах раскола африканской церкви в начале IV в. и образования самостоятельной донатистской церкви, Бриссон отмечает сложность этого явления, развивавшегося под влиянием различных религиозных и внерелигиозных факторов, комбинировавшихся в каждый отдельный период в различных пропорциях (стр. 236 сл.). В то же время автор подчеркивает, что религиозные противоречия в Северной Африке были тесно связаны с противоречиями социальными и политическими: первые нельзя отделять от вторых. Судя по ряду соображений Бриссона, изложенных (без особой последовательности) в различных разделах его книги, определяющую роль в возникновении донатизма он придает двум основным моментам. Во-первых, это — настроения, вызванные у рядовых членов христианских общин предательством спискавших во время гонений Диоклетиана. Возмущение поведением верхушки клира, запятнавшей себя компромиссом с Римской империей, побудило многих христиан к отпадению от карфагенского епископа Цецилиана, обвиненного в связи с «предателями», и к объединению вокруг его противников — зачинщиков раскола. Во-вторых, донатизм был реакцией на религиозную политику Константина. Легализация христианства означала в глазах части африканских христиан опасный компромисс со светской властью, донатизм выражал отказ от такого компромисса (стр. 7, 125 сл., 236 сл. и др.). Эти настроения создали благоприятную почву для возрождения учения Киприана. «Теология Киприана, основывая святость церкви на социальном различении (*sur une discrimination sociologique*),... давала христианское основание общественным и политическим антагонизмам» (стр. 238).

В теологическом отношении донатизм мало отличался от ортодоксального христианства (стр. 130). Основное, что их разделяло, — это требование донатистов избегать сообщества в пределах одной церкви «верных христиан» и «предателей» (стр. 131 сл.). Развивая учение Киприана о единстве церкви, донатисты провозглашали только свою церковь «истинной», а ортодоксальную объявляли «собранием предателей». Вслед за Киприаном они определяли церковь как «запертый сад», куда нет доступа грешникам. Донатисты восприняли учение Киприана о личной святости священнослужителя как необходимым условием выполнения им священнических функций и на этом основании отвергали правомочность клириков ортодоксальной церкви. С этим связано и то значение, которое придавали донатисты вторичному крещению еретиков, а также христиан, перешедших к ним из ортодоксальной церкви. Ортодоксальная католическая теология IV—V вв., развивавшаяся в Северной Африке в значительной мере под влиянием полемики с донатизмом, вкладывала в принцип единства церкви совершенно иной смысл. Католические авторы акцентировали необходимость объединения всех верующих, ныне разделенных между отдельными церквами, и, исходя из этого, клеймили донатистов как «раскольников» и «врагов единства». Ради интересов этого единства христиане должны терпеть грешников в лоне церкви. Церковь не может рассматриваться, как того требовали донатисты, как сообщество святых; ее единство определяется не святостью ее членов, но общностью таинств. С точки зрения ортодоксальной теологии, единой вере соответствует единое крещение; на этом основании католики отвергали обычай вторичного крещения еретиков, поддерживаемый донатистами (стр. 153—174).

Бриссон специально разбирает вопрос об отражении в донатизме тенденции африканского сепаратизма по отношению к империи (стр. 180—190). Эту тенденцию он обозначает термином «автономизм». Католики обвиняли донатистов в «африканизме», в том, что они соглашались признать наличие истинной церкви только в Африке. Донатисты стремились опровергнуть это обвинение, ссылаясь на свои попытки установить связи с христианами других провинций. Анализируя эту полемику, Бриссон показывает, что «африканизм» донатистов скорее объяснялся объективным положением, в котором находилась их церковь, чем их сознательным стремлением придать ей «чисто африканский характер». Вместе с тем по мере развития донатистской теологии в ней все заметнее проступают провинциально-сепаратистские (или «автономистские») тенденции, о чем свидетельствуют, в частности, попытки донатистов использовать отдельные тексты Библии для доказательства тезиса о пребывании «истинной церкви» только в Африке.

Во второй части книги (стр. 243—410) рассматриваются политические и социальные позиции донатистов. Эта часть начинается с очерка религиозной политики империи IV в. в Африке (стр. 243—324). Бриссон отвергает формально-юридическое объяснение причин вмешательства Константина в африканские церковные дела. Это вмешательство

диктовалось прежде всего общими целями религиозной политики Константина. Стремясь восстановить единство империи, Константин видел в христианстве средство обезличить религиозное единство ее населения. В христианстве его привлекала не евангельская проповедь, но церковная организация и универсальность религии. Единство территории требовало единства умов. Раскол африканской церкви угрожал этому единству, и поэтому Константин прилагал все усилия к тому, чтобы ликвидировать этот раскол. При преемниках Константина все более укрепляется союз между империей и ортодоксальной церковью. Вследствие этого в конце IV в. всякий религиозный раскол мог вырасти в стремление к политическому отделению от империи. Соответственно усиливается враждебность императорской власти по отношению к раскольникам-донатистам. Эта эволюция находит свое логическое завершение в политике Гонория, который рассматривает донатистов как мятежников и принимает решительные меры для подавления донатистского движения. В течение этого же исторического периода происходит формирование ортодоксального католического учения о взаимоотношениях церкви и светской власти. Это учение наиболее отчетливо выражено в произведениях Августина. С точки зрения Августина, христианская вера является наиболее прочной опорой существующего социального и политического порядка, справедливость которого не вызывает у него сомнений. Для взглядов Августина характерен аристократизм, презрение к «черни», требование подчинения «нижних» «высшим». Вместе с тем Августин считал законным вмешательство светской власти в церковные дела и насильственное обращение «грешников» и еретиков в «подлинную веру».

Переходя к рассмотрению позиций донатистской церкви по отношению к репрессиям, Бриссон специально останавливается на роли идеи мученичества в идеологии донатистов (стр. 288—324). Эта идея восходит к III в., когда мученичество за веру рассматривалось как абсолютное христианское совершенство. В произведениях Тертуллиана и Киприана мученичество выступает как форма святости, как средство борьбы христианина с мирским злом, воплощенным в преследованиях. Донатисты воспринимали направленные против их церкви мероприятия императоров IV в. как новую форму преследований христианства враждебной дьявольской силой. Культ мучеников, т. е. донатистов, погибших во время этих преследований, играл чрезвычайно большую роль в жизни донатистской церкви. Смысл мученичества Бриссон видит в том, что оно было религиозным средством выражения враждебности донатистов императорской власти. Этим соображением он объясняет то обстоятельство, что добровольное мученичество (вплоть до самоубийства) было особенно широко распространено среди сторонников донатизма из числа трудящихся классов. Бриссон отмечает что подобная форма протеста вообще характерна для религий «народного характера», и в этой связи сопоставляет донатизм с русским расколом (стр. 321).

В целом Бриссон определяет идеологию донатизма как сохранение и развитие традиций раннего христианства. Важнейшим фактом, характеризующим сущность донатизма, он считает отказ донатистов придавать принципиальное значение повороту в религиозной политике, осуществленному Константином: они восприняли его просто как дополнительную уловку противника (стр. 412). Бриссон полагает, что для донатистов подчинение императорской власти было несовместимо с верностью Христу, причем он специально подчеркивает, что руководители донатизма и крестоносами разделяли подобные идеи, хотя, стремясь сохранить свою церковь, и не заявляли об этом открыто (стр. 376 сл.). Характеризуя социальное содержание донатизма в конце IV в., Бриссон определяет его как «религию бедных» (стр. 358). Донатисты сохраняли верность традициям Тертуллиана, утверждавшего, что богатство несовместимо с христианской верой. По мнению автора, подчеркиваемое донатистами разделение между греховностью и святостью, определяющее границы «истинной церкви», отождествлялось ими с разделением между богатством и бедностью (стр. 371). В то время как африканский католицизм все более связывал свои интересы с интересами власти и высших классов, донатизм защищал христианскую традицию, «в соответствии с которой князья и богачи были всего лишь орудиями демона, с которыми истинно верующий в Христа не должен иметь ничего общего». Поэтому донатизм служил «оправданием и стимулом» восстания против господствующего строя (стр. 377 сл.).

В рецензии мы могли, разумеется, лишь в самом суммарном виде изложить основные идеи книги Бриссона. Следует учитывать те трудности, с которыми связано исследование идеологии донатизма. Произведений донатистской литературы сохранилось крайне мало, и основным источником, с которым приходится иметь дело исследователю данного вопроса, являются сочинения враждебных донатизму ортодоксальных авторов. Учитывая всю тенденциозность этих сочинений, Бриссон сумел, тем не менее, извлечь из них большое количество данных, характеризующих основные положения донатистской доктрины; его исследовательский метод отличается тонкостью и детальностью анализа часто весьма фрагментарных сведений, причем автор проводит в ряде случаев очень удачное семантическое исследование религиозной терминологии африканской церковной литературы. Читатель найдет в книге весьма обстоятельный, часто филигранный разбор всех дошедших до нас произведений и фрагментов донатистской литературы, а также церковной доктрины Киприана.

Особо следует сказать о последнем, несколько выпадающем из общего плана разделе книги, посвященном творчеству Коммодиана (стр. 378—410). Анализируя язык и стиль произведений этого христианского поэта, Бриссон соглашается в итоге с теми исследователями, которые считают его представителем африканской литературы. Вслед за П. Курселем⁷ и в противоположность широко распространенной точке зрения Бриссон датирует произведения Коммодиана не III, а серединой V в. и считает его донатистом. Здесь не место обсуждать сложный вопрос о датировке творчества Коммодиана. Во всяком случае аргументация Курселя и Бриссона, несомненно, заслуживает внимания, хотя и не является, на наш взгляд, абсолютно убедительной. Зато можно безоговорочно приветствовать попытку Бриссона использовать произведения Коммодиана для изучения настроений демократического слоя христиан, готового к активной борьбе с господствующим строем⁸. Относить ли эти произведения к III или V в., их интерес как источника по истории идеологии народных масс Римской империи трудно переоценить.

Следует признать ценность ряда основных выводов книги Бриссона. Автор глубоко аргументированно вскрывает роль ортодоксальной церкви как идеологической опоры императорской власти и господствующего социального строя и совершенно справедливо рассматривает донатизм как идеологическую форму протеста народных масс против существующих общественных и политических отношений. Наиболее ценную сторону исследования Бриссона составляет выяснение тех аспектов идеологии донатизма, которые завоевывали ему поддержку трудящихся классов, а также эволюции ортодоксального христианства, постепенно приспособившегося к своей новой общественной роли. Работе Бриссона чужды модернистские тенденции в оценке идеологии донатизма, которыми сильно грешит упомянутая выше книга Фрепда. Так, автор совершенно справедливо отвергает существование «национального самосознания» у трудящегося населения Северной Африки IV—V вв., якобы отразившегося в донатизме, полагая, что подобные идеи не соответствовали историческим условиям данной эпохи (стр. 357).

То ценное, что есть в книге Бриссона, связано прежде всего с его стремлением исследовать религиозные концепции и религиозную борьбу как отражение определенных общественно-политических интересов. К сожалению, этот принцип проводится автором далеко не во всем последовательно, что значительно снижает, на наш взгляд, аргументированность ряда его выводов. С этой методологической непоследовательностью и противоречивостью мы встречаемся уже в тех главах книги, которые посвящены истории африканского христианства в III в. Здесь мы не можем согласиться прежде всего с оценкой автором социальных позиций Киприана. Бриссон фактически отождествляет взгляды Киприана и Тертуллиана, в творчестве которого выразились основные черты раннего демократического христианства, враждебного господствующему социальному строю и имущим классам. Что касается Киприана, то на его взгляды и деятельность наложили свой отпечаток те изменения в социальном составе и организации христианских общин, которые наметились к середине III в. Среди христиан, в том числе епископов и клириков, появилось много выходцев из зажиточных слоев населения. Исчезло былое равенство членов общины, а церковная организация приобрела иерархический характер. Богатые христиане, боясь конфискации, легко отступали от своей веры во время гонений, причем Киприан вместе с большинством африканского клира занял примиренческую позицию по отношению к «падшим». Эта позиция была явным отходом от ригористического христианства времени Тертуллиана, и Киприан открыто порывал с тертуллиановской концепцией церкви как сообщества «чистых» и «святых», когда он утверждал, что следует терпеть в лоне церкви недостойных прелатов и что праведные будут отделены от неправедных в должное время⁹. Этот тезис весьма близок к концепции Августина. Демократическое и ригористическое течение в африканском христианстве середины III в. представлял не Киприан, а враждебные ему новациане. Вообще говоря, Киприана трудно считать последовательным сторонником определенной религиозной доктрины. Взгляды, которые им высказывались, зависели от конкретных условий религиозной борьбы в тот или иной период. Так, защищая на словах идею мученичества и осуждая богатство, он в своей практической деятельности был весьма далек от этих принципов. Если отстаиваемая им идея вторичного крещения еретиков, вызвавшая конфликт африканской церкви с римской, соответствовала традициям африканского христианства, то киприановская теория суверенной епископской власти и церковной иерархии означала разрыв с этими традиция-

⁷ P. Courcelle, *Commodien et les invasions du Ve-siècle*, REL, 24(1946), стр. 227—246.

⁸ До Бриссона анализ творчества Коммодиана в указанном плане был проведен Е. М. Штаерман, *Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи*, М., 1957, стр. 148—150.

⁹ Сурр., *De lapsis*, 9.

ми, ставившими мученика за веру выше священника¹⁰. Поэтому нам представляется более соответствующей фактам оценка Киприана Френдом, который определяет его учение и деятельность как попытку примирения двух принципиально враждебных концепций церкви¹¹.

Бриссон совершенно не учитывает как раз тех изменений в социальном составе африканских христиан, которые обусловили идеологические сдвиги, отразившиеся в учении Киприана. Этот же основной просчет мешает ему правильно понять природу взаимоотношений между христианством и императорской властью в конце III — начале IV в. По мнению автора, благодаря умеренной религиозной политике ряда императоров III в. христиане мало-помалу привыкли к мысли, что между церковью и империей возможен относительный компромисс, и поэтому были готовы благосклонно принять реформу Константина¹ (стр. 372). Но благосклонное отношение епископов и определенного слоя христиан к компромиссу с империей обуславливалось не «привычкой», а прежде всего их социальным положением, их связанностью с тем социальным порядком, который защищала империя. Именно события, вызванные расколом африканской церкви в 312 г., наиболее наглядно показывают, что за союз с империей выступали христиане из числа имущих классов, в то время как плебейский слой верующих был настроен непримиримо по отношению к такому союзу. Соображения Бриссона о причинах религиозной политики Константина очень интересны и содержательны, но он видит лишь одну сторону вопроса. Константин не мог бы использовать христианство в своих политических интересах при всей «универсальности» этой религии, если бы оно к его времени сохраняло бы тот дух протеста против господствующей социальной несправедливости, который был ему свойствен в более ранние времена. Эволюция социального состава и социальных позиций христианства являлась, таким образом, одной из необходимых предпосылок религиозной реформы Константина.

Мы не можем согласиться с оценкой поворота в религиозной политике империи как основного факта, определившего борьбу в африканском христианстве. Бриссон правильно вскрывает противоречия по вопросу об отношении к империи, существовавшие среди африканских христиан, но не уделяет достаточного внимания более глубокой основе этих противоречий: социальному антагонизму между христианами из числа имущих и эксплуатируемых классов. Хотя этот антагонизм был обострен союзом церкви с империей, он развивался еще до возникновения этого союза и независимо от него.

Нельзя не усмотреть определенной связи между этой особенностью концепции Бриссона и его трактовкой донатизма как «религии бедных». Упуская из виду действительную социальную основу позиций Киприана и тех кругов христиан, которые выступали за компромисс, а впоследствии за союз с империей, автор совершает ту же ошибку при оценке донатизма. Широкое распространение донатизма среди трудящихся слоев не вызывает сомнения, но при выяснении социальной сущности этого движения следовало бы учитывать также участие в нем представителей господствующих классов. Достаточно хорошо известно, что среди донатистов было немало богатых людей, куриалов, сенаторов, активную поддержку ему оказывали некоторые высшие должностные лица провинциального управления. Уже это обстоятельство свидетельствует о том, что донатистская церковь, несмотря на ее связь с городским и сельским плебсом, все же не воспринималась в Северной Африке *par excellence* как организация демократических слоев населения, враждебная «социальному порядку» и имущим классам, как «церковь бедных». Столь же спорен тезис Бриссона о верности донатистской церкви традициям Тертуллиана, или, иначе говоря, раннего демократического христианства. По своему социальному положению и внутренней организации донатистская церковь столь же глубоко отличалась от ранних христианских общин, как и церковь ортодоксальная. Ей принадлежали земельные владения, в которых эксплуатировался труд колонов и рабов, многие члены донатистского клира были собственниками или арендаторами крупных имений. Принцип церковной иерархии и епископской власти осуществлялся в донатистской церкви столь же последовательно, как и в католической. Таким образом, декларации донатистов о «бедности» их церкви так же далеки от резких выступлений Тертуллиана против богатства, как их иерархическая церковная организация от примитивных христианских общин его времени.

Утверждение Бриссона об отрицательном отношении донатистской церкви к религиозной реформе Константина неправильно просто фактически. Как известно, вначале руководители донатизма стремились воспользоваться всеми теми преимуществами, которые были обеспечены христианской церкви религиозной политикой Константина, и добивались признания их императорской властью в качестве «законных» представителей африканских христиан. Лишь впоследствии, когда Римское государство решительно стало на сторону ортодоксальной церкви, донатистский епископат стал

¹⁰ Место Киприана в истории африканского христианства удачно показано Е. М. Штарман, ук. соч., стр. 409—415.

¹¹ F r e n d, ук. соч., стр. 131 сл.

проявлять враждебное отношение к светской власти. Бриссон (стр. 376 сл.) полагает, что для руководителей донатизма эта враждебность была одним из основных принципов их веры, а отдельные случаи отхода от этого принципа объяснялись желанием спасти свою церковь во время «критических ситуаций». Мы думаем, что факты свидетельствуют скорее о том, что антиимперские позиции донатистских епископов сложились далеко не сразу, но лишь постепенно, под влиянием развития борьбы между двумя церквями и легко предавались забвению, если это соответствовало интересам донатистской церкви. Автор сам приводит немало интересных данных, показывающих, что донатистский клир вообще легко отступал от своих основных конфессиональных принципов (например, вторичного крещения новообращенных) в интересах укрепления позиций своей церкви (стр. 211 сл.).

Все эти соображения не позволяют, на наш взгляд, рассматривать донатистскую церковь как объединение сторонников определенных ригористически соблюдаемых религиозных принципов, выражавших настроения неимущих и эксплуатируемых слоев населения. Правильнее видеть в этой церкви организацию, объединяемую прежде всего стремлением добиться господствующего положения в религиозной жизни, опирающуюся на весьма разнородные в социальном отношении группы и использующую в борьбе со своими противниками весьма разнообразные средства: от апелляции к слоям христиан, враждебным римской власти, до поисков непосредственной поддержки у той же самой власти.

Высказанные выше критические замечания ни в коей мере не снижают ценности проведенного Бриссоном исследования демократических и антиимперских аспектов идеологии донатизма и их идейной связи с ранним христианством. Автор в то же время безусловно прав, объясняя именно этим обстоятельством поддержку донатизма широкими слоями трудящихся. Главная его ошибка состоит, на наш взгляд, в преувеличении влияния этих слоев и их идеологии на деятельность донатистской церкви. Те идеи, которые для рядовых донатистов из числа трудящихся были подлинным символом их веры, для имущих донатистов и в особенности для донатистских епископов служили лишь средством социальной демагогии, призванным обеспечить их церкви широкую общественную поддержку.

Не учитывая сложности социального состава донатистов, Бриссон не придает необходимого значения существованию различных направлений в донатизме, связанных с различными социальными группами его сторонников. Поэтому его характеристика донатистского движения является в значительной мере односторонней.

Наличие внутренних противоречий в донатизме наиболее пагубно выразилось во взаимоотношениях донатистской церкви с циркумцеллионами-агонистиками. К сожалению, характеристика движения агонистиков является, пожалуй, наиболее слабым местом работы Бриссона. Автор заимствовал у Явоня его понимание циркумцеллионов как наемных сельскохозяйственных рабочих. Известно, что эта точка зрения, находящаяся в резком противоречии с данными источников, давно уже опровергнута советскими историками. Не приняв ее и Френд, который убедительно показал, что циркумцеллионы были «прежде всего религиозными фанатиками» и «представляли донатистскую доктрину в ее крайней форме»¹². Не соответствующая фактам трактовка понятия «циркумцеллионы» приводит Бриссона к ряду противоречивых и неаргументированных выводов. Так, он считает одной из специфических особенностей африканских аграрных отношений широкое применение наемного труда. Но единственное свидетельство об отрядах кочующих рабочих: упоминание в восходящей к III в. надписи из Мактара о *turma messorum* — еще не дает оснований для подобных заключений. Восстания IV в., направленные против крупных землевладельцев, Бриссон объясняет... безработицей (!) циркумцеллионов, которым землевладельцы, используя их бедственное положение, давали займы за повышенные проценты. Такая конструкция не только не находит никакой опоры в фактах, но и попросту противоречит здравому смыслу. Остается непонятным, какую цель могли преследовать землевладельцы, давая займы деньги безработным кочующим рабочим, явно не имевшим возможности их отдать. Такие ссуды имели бы смысл, если бы possessores стремились закабалить должников, использовать их труд в своем хозяйстве. Но тогда отпадает предположение о «безработице» как причине восстаний.

Бриссон (стр. 340—341) допускает лишь возможность участия в аграрных движениях IV в. наряду с наемными рабочими колонов и рабов. Между тем сообщения наших источников недвусмысленно свидетельствуют о том, что именно две последние социальные группы, в особенности колоны, были основной силой этих движений¹³. Характерно, что положение Бриссона о «безработных рабочих» как основной силе восстаний в значительной мере противоречит его же анализу социально-экономических

¹² F r e n d, ук. соч., стр. 173—175.

¹³ См., например, A u g u s t., Ep. 108, 6, 18: *contra possessores suos rusticana erigatur audacia*. Бриссон вообще не учитывает важнейших данных этого письма Августина.

предпосылок обострения классовой борьбы в IV в., которые он связывает во вводной главе с ростом повинностей и задолженности колонов крупных имений.

Столь же противоречива и неаргументированна оценка автором взаимоотношений циркумцеллионов и донатистской церкви. Вслед за Соманем Бриссон отрицает обязательную принадлежность циркумцеллионов к донатизму (стр. 342 сл.). В то же время автор отказывается признать тождественность терминов «циркумцеллионы» и «агонистики» и видит в агонистиках лишь ту часть «сельскохозяйственных рабочих», которые участвовали в восстаниях (стр. 343). Последняя гипотеза ни на чем не основана. По сообщению Оптата (III, 4), донатистский епископ Багаи circumcelliones agonisticos nuncians. Бриссон полагает, что в данном случае речь идет лишь об определенной группе циркумцеллионов — воинствующих сторонниках донатизма, хотя такой вывод никак не следует из приведенного текста. И совсем уж неосновательно утверждение автора (стр. 343), что лишь у Оптата мы встречаем упоминание о таком наименовании циркумцеллионов. Августин (Enag. in ps. 132, 3, 6) прямо полемизирует с определением циркумцеллионов как агонистиков, распространенным среди донатистов.

История взаимоотношений «революционных циркумцеллионов»-агонистиков с донатистской церковью рисуется Бриссону в следующем виде. Вначале революционное движение носило чисто экономический характер. Потом его вожди и участники в поисках религиозного оправдания своих действий объявили себя донатистами. Донатистский епископат, боясь вызвать преследования против своей церкви и учитывая настроения донатистов из имущих слоев, отнесся к этому отрицательно и призвал против восставших римские войска. Однако, когда для донатизма наступил период репрессий (после 347 г.), «циркумцеллионам все более предоставляли сливать их попытку революции с защитой оппозиционной церкви». Точка зрения циркумцеллионов, рассматривавших донатизм как революционную идеологию, в конце концов победила; донатистские епископы «благодаря политическому оппортунизму, под давлением событий предоставляли отверженным мятежникам делать из их церкви церковь бедных» (стр. 343—355).

Нетрудно обнаружить внутреннюю противоречивость изложенной концепции. Характеризуя социальное движение 40-х гг. IV в., Бриссон справедливо отмечает противоречия, существовавшие в данный период между этим движением, с одной стороны, и донатистским епископатом и состоятельными донатистами, с другой. Однако для последующего периода он фактически отрицает наличие этих противоречий. По сути дела автор исходит из предпосылки, что представители экономически господствующего класса (а к нему, несомненно, принадлежали донатистские епископы и богатые донатисты) могут «под давлением событий» переходить на позиции эксплуатируемого класса и выступать идеологами движения, направленного против их собственных экономических интересов. Автору не было бы нужды прибегать к столь натянутым и во многом наивным объяснениям, если бы он отказался от надуманной схемы Сомани и опирался на всю совокупность свидетельств историков по интересующим его вопросам. Эти свидетельства достаточно ясно позволяют увидеть в агонистиках-циркумцеллионах фанатическую религиозную секту, представлявшую наиболее демократическую часть донатистского движения. Протест против существующих социальных отношений принял у них религиозную форму не на каком-то вторичном этапе движения, а был с самого начала неотделим от этой формы, что целиком обуславливалось историческими условиями данной эпохи. Поскольку этот протест носил лишь религиозно-декларативный характер, руководители донатизма широко использовали агонистиков как активных, воинствующих защитников своей церкви, поскольку же он начинал выражаться в конкретных социальных выступлениях, немедленно обнаруживалась классовая противоположность различных слоев донатистского движения, и епископы оппозиционной церкви оказывались в одном лагере с императорскими властями. Кстати сказать, указанные противоречия проявлялись не только в 40-х гг. IV в., но и значительно позже — во времена Августина¹⁴. Таким образом, декларации о «бедности» донатистской церкви совсем не означали какого-то изменения социальных позиций ее епископата, но, скорее, носили, говоря современным языком, пропагандистский характер.

В заключение следует отметить, что одна из основных идей книги — об «автономистских тенденциях» в доктрине донатистов, равно как и об определенной ограниченности этой тенденции, — могла бы быть сформулирована более конкретно и четко, если бы автор более обстоятельно исследовал социальные корни этой идеи. Стоило бы, на наш взгляд, задать вопрос, какие именно слои и группы африканского общества были заинтересованы в отделении Африки от империи, и связать полученные выводы с данными о социальном составе донатистов. Думается, что в этом случае оказалась бы яснее политическая эволюция и политическая роль донатистской церкви.

¹⁴ См. August., Ep. 108, 14; De haeres., 69; Contra lit. Petil., I, 24, 26; II, 47, 110; Possid., Vita s. August., 10.

* * *

Движению агонистиков-циркумцеллионов специально посвящена названная в заголовке нашего обзора работа немецкой исследовательницы-марксистки Теодоры Бюттнер. Цели исследования достаточно ясно вырисовываются из введения и историографической главы работы (стр. 1—2, 5—7). Подчеркивая, что движение агонистиков имело ряд общих черт с другими выступлениями народных масс периода поздней античности (в Галлии, во Фракии, в Ираке), обусловленных сходным социальным составом этих движений, автор в то же время отмечает существенную специфическую особенность классовой борьбы в поздней Римской Африке. Эту особенность она усматривает в религиозных формах этой борьбы. Свою основную задачу автор видит именно в исследовании указанных форм.

Если в понимании классовой сущности и социально-экономических предпосылок движения агонистиков Т. Бюттнер исходит в основном из результатов работ советских исследователей, и прежде всего Н. А. Машкина, то специфически религиозный характер этого движения она считает недостаточно освещенным в советской историографии. «Попытки обрисовать общий характер движения, исходя исключительно из социальной и экономической истории, — замечает автор, — заслуживают в методологическом отношении некоторых дополнений. Исследование социальных движений того времени, выступающих перед нами в одеянии религиозного фанатизма, неизбежно принимает односторонний характер без их освещения в плане церковной истории...» (стр. 6.). В этой связи Т. Бюттнер указывает на несколько общих характер таких определений, как «религиозное обрамление», и подчеркивает, что они не объясняют, как в чисто религиозных лозунгах, не содержащих каких-либо социальных требований, мог выражаться протест против существующих социальных отношений.

В послесловии (стр. 71—72), специально останавливаясь на статье автора настоящего обзора «Вопросы истории народных движений в поздней Римской Африке» (ВДИ, 1957, № 2), Т. Бюттнер отмечает сходство ряда своих выводов с выводами ее исследования и подчеркивает в связи с этим, что обе работы «были написаны совершенно независимо друг от друга». В то же время она считает, что в своей статье уделено недостаточно внимания религиозным формам социального протеста агонистиков и вообще историко-религиозной стороне вопроса. Справедливость этой критики я должен полностью признать. В то же время не могу не отметить, что автор несколько недооценивает интерес Н. А. Машкина к этому кругу проблем. К сожалению, наиболее фундаментальное исследование Н. А. Машкина об агонистиках («Историк-марксист», 1935, № 1), где исследуются религиозные аспекты их движения, было недоступно Т. Бюттнер (см. стр. 6, прим. 20).

Во всяком случае та постановка вопроса, которую выдвигает автор рецензируемой работы, является вполне закономерной и назревшей. В марксистской литературе о движении агонистиков до сих пор главное внимание уделялось выяснению классового характера этого движения, его роли в социальной борьбе IV—V вв. и опровержению неверных взглядов на этот счет, распространенных в буржуазной историографии. Религиозно-идеологические аспекты движения не подвергались столь же обстоятельному изучению, хотя Н. А. Машкин и А. Д. Дмитриев¹⁵ высказали ряд ценных соображений по этому вопросу.

После краткой характеристики источников и историографии вопроса автор переходит к анализу социально-экономических предпосылок движения агонистиков. Специальный раздел посвящен проблеме обострения кризиса империи, начиная с III в. (стр. 8—18). Здесь отмечаются такие явления, как упадок городов (причем автор справедливо указывает, что распад муниципального землевладения ощущался в Африке в относительно меньшей степени, чем, например, в Галлии), рост крупного землевладения, усиление эксплуатации колоннов и постепенное сближение социального положения колоннов и рабов, увеличение налогового бремени, вовлечение африканских племен в систему эксплуататорских отношений Римской империи. При оценке всех этих явлений автор исходит из интерпретации социально-экономической истории империи III—IV вв., более или менее общепринятой в марксистской литературе. Однако, к сожалению, ряд положений этого раздела носит чересчур общий характер, и в некоторых случаях автор идет по пути простого изложения довольно популярных сведений о социально-экономическом строе империи данного периода. Между тем тема работы требовала бы, на наш взгляд, более детального исследования специфики африканских отношений. Например, вряд ли правильно ограничиваться общим указанием на рост натурально-хозяйственных отношений (стр. 8), не пытаясь выяснить степень развития товарно-денежных отношений в поздней Римской Африке. Отмечаемые Т. Бюттнер явления, сопутствующие развитию колоната: замена труда рабов трудом колоннов, *reli qua coloponum*, — хорошо известны для Италии, но о наличии этих явлений в Африке мы не имеем сведений. Возможно, следовало бы обратить больше внимания на особенности аф-

¹⁵ А. Д. Дмитриев, К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах, ВДИ, 1948, № 3, стр. 66 слл.

риканского колоната, связанные с условиями римского завоевания Африки, характером эксплуатации туземного населения и наличием здесь поместных обычаев типа *lex*, или *consuetudo Manciana*. В этом случае можно было бы яснее представить себе предпосылки восстаний IV в. и их особенности по сравнению с народными движениями в других провинциях. По той же причине следовало бы остановиться на особенностях налоговой эксплуатации в поздней Римской Африке. Рассмотрение истории патронизмов (стр. 14—15) вряд ли имеет смысл в данной работе без решения вопроса о степени распространенности этого явления в Северной Африке.

В следующем разделе (стр. 18—21) автор рассматривает различные формы классовой борьбы в III в.: восстания берберских племен, выступавших, как она полагает вслед за Е. М. Штаерман, в союзе с колонами и рабами, и выступления *latrones*. Далее Т. Бюттнер переходит к рассмотрению внутренней борьбы в африканской церкви III в., образующей пред историю массовых религиозных движений IV—V вв. Отмечая широкое распространение христианства в Римской Африке III в., автор объясняет это явление прежде всего настроениями туземного эксплуатируемого населения, его враждебностью Римской империи, отражавшейся в христианстве того периода (стр. 23). В истории африканской церкви III в. Бюттнер справедливо акцентирует возникновение уже в этот период противоречий между различными слоями христиан, порожденных их неодинаковым классовым положением. Эти противоречия прослеживаются на примере позиций имущего и эксплуатируемого слоев верующих во время гонений. Автор отмечает, что для христиан из числа трудящихся было характерно аскетическое и эсхатологическое толкование христианства, проповедь мученичества, верность раннехристианским представлениям, которые они наполняли определенным социальным содержанием (стр. 23 сл.). Идеологию этого направления в христианстве Бюттнер удачно иллюстрирует на примере учения Тертуллиана. Значительный интерес представляют, в частности, ее наблюдения, показывающие борьбу Тертуллиана против сформировавшейся иерархической церкви, определившую его близость к монтанизму (стр. 28 сл.).

Значительной четкостью и глубиной отличается проводимый Бюттнер анализ взглядов Киприана. Характеризуя его учение о церкви, автор показывает, как тесно переплелись в нем различные и подчас противоречивые тенденции. Призывы к аскетизму и мученичеству, восходящие к Тертуллиану, сочетаются здесь с последовательной защитой иерархической церкви и с уступками настроениям имущего слоя верующих, не принимавших раннехристианского ригоризма. Бюттнер подчеркивает враждебность Киприана крайне аскетическим направлениям, его отход от учения о церкви как «о сообществе чистых». Интересна высказываемая ею мысль, что Киприан стремился «перехватить» аскетические течения и подчинить их епископской церкви (стр. 32). В этом, несомненно, можно видеть ранее проявление тенденции, весьма характерной для последующей истории церкви. Автор справедливо отмечает, что промежуточное положение Киприана между различными направлениями в христианстве сделало позднее возможным использование его учения как католиками, так и донатистами (стр. 33). Как подлинных преемников Тертуллиана и предшественников донатизма она оценивает новациан. Все эти наблюдения и выводы Бюттнер значительно вернее и объективнее характеризуют историю африканского христианства в III в., чем несколько односторонние оценки Бриссона. Гораздо глубже понимает она и относящиеся к этому времени предпосылки религиозной борьбы в IV в. Так, автор справедливо указывает на то, что признание христианства империей в начале IV в. было подготовлено его предшествующей эволюцией (стр. 23), и отмечает противоречивую роль наследия Киприана в IV в.

В своих выводах по этому кругу проблем Бюттнер во многом следует Френду (см. стр. 22, прим. 94). Думается, что, воспринимая и развивая положительные стороны работы английского исследователя, она не избежала в то же время известного влияния и некоторых его сомнительных заключений. Так, автор считает возможным говорить о «национальном» характере оппозиционных империи религиозных движений в Северной Африке и в других провинциях (стр. 23). Для такого определения (даже если ставить его в кавычки) все же вряд ли можно найти серьезное основание.

В аскетическом и антииерархическом направлении африканского христианства III в. Бюттнер справедливо видит ту идеологическую основу, из которой развилось позже движение агонистиков. Для более ясного понимания специфической формы этого движения автор считает необходимым привлечь материал по истории раннего монашества (стр. 35—40). Эту попытку нельзя не признать плодотворной. Как показывают данные, привлеченные Бюттнер, раннее монашеское движение было связано с аскетическим отказом от оседлой жизни, с идеей мученичества и, несомненно, выражало в какой-то степени протест против иерархической церковной организации. Связь этого движения с демократическим слоем христиан проста и очевидна. Хотя эти данные не относятся к африканским провинциям, они, несомненно, позволяют лучше понять предпосылки возникновения секты агонистиков, которые по своим идеям и образу жизни были весьма близки ранним монахам. В частности, становится еще более ясным, что их отказ от оседлости имел определенные социально-религиозные осно-

вания, а не обуславливался их принадлежностью к «сословию кочующих сельскохозяйственных рабочих».

Детально рассматривая соответствующие данные источников, автор показывает, что агонистикам был свойствен отказ от работы и от оседлого образа жизни, религиозный фанатизм, проявлявшийся, в частности, в активной борьбе с язычеством, безбрачие. Все эти черты сближают их с монахами-аскетами ранних времен. В то же время агонистики отличались от монахов большей организованностью, что расширяло возможности их активного участия в классовой борьбе (стр. 41—44). По своему социальному составу агонистики принадлежали к трудящимся слоям сельского населения: колонам, рабам. В их движении участвовал также низший клир донатистской церкви. Автор не отрицает той возможности, что среди агонистиков были также и свободные сельскохозяйственные рабочие, но решительно возражает против приписывания этому слою определяющей роли в движении (стр. 44—46).

Специально рассматривая обычай самоубийств, распространенный среди агонистиков, Бюттнер определяет его как логическое развитие идеи добровольного мученичества, характерной для ранней истории африканского христианства. Смысл этого обычая она видит в возросшей враждебности эксплуатируемых слоев к окружающему их миру и его общественным нормам. Самоубийства диктовались эсхатологическим ожиданием конца этого мира и надеждой на вознаграждение мучеников на том свете (стр. 46—48).

Одним из наиболее интересных в работе Бюттнер является, на наш взгляд, раздел, посвященный участию агонистиков в социальной борьбе (стр. 49—52). То новое, отмечает автор, что отличало агонистиков от аскетов-фанатиков более ранней эпохи, заключалось в их отходе от пассивного ожидания конца света и в стремлении уже в этом мире содействовать установлению «царства божьего». Поэтому они выступали как активные мстители за социальную несправедливость, освобождали рабов, боролись против долговой кабалы, оказывали поддержку восстаниям сельского населения. Автор проводит любопытную параллель между этими действиями агонистиков и мероприятиями коптских монахов в Египте, также требовавших отмены долгов, тяготевших над крестьянством. Автор справедливо polemизирует с теми исследователями, которые приписывают агонистикам определенную программу социального переустройства. Она показывает, что их социальные мероприятия неразрывно связаны с религиозными целями их движения: подготовкой божьего суда на земле. Этот интересный и оригинальный анализ взглядов агонистиков глубоко вскрывает особенности их идеологии.

Бюттнер подчеркивает эпизодичность социальных выступлений агонистиков: они имели место лишь там, где рабы и колонны восставали против своих господ. В выступлениях этих, пишет автор, «речь идет не о задуманном заранее вмешательстве в социальную борьбу рабов и колоннов, не о широком освободительном движении, но лишь о стихийных единичных действиях. Циркумцеллионы выступали преимущественно по поводу особо острых случаев ...» (стр. 50—51). Вполне соглашаясь с тезисом о стихийности социальных выступлений агонистиков и о том, что эти выступления носили временный, а не постоянный характер, мы все же думаем, что приведенная характеристика несколько преуменьшает размах их борьбы против господствующего строя. В тех районах, где развертывались восстания при участии агонистиков, местная римская власть бывала парализована, крупные землевладельцы и кредиторы, в сущности, были вынуждены подчиняться требованиям восставших. Это вряд ли согласуется с представлением об «единичности» социальных выступлений агонистиков и их оценкой как непосредственной реакции лишь на наиболее острые случаи эксплуатации.

Нельзя не согласиться с интересным выводом Бюттнер, что африканские восстания отличались меньшей четкостью целей, чем одновременные движения багаудов и маздакидов. В Галлии и в Иране восставшие стремились к восстановлению свободных, носящих родовые черты сельских общин. Африканские восстания не обнаруживают сколько-нибудь явной связи их участников с общинными отношениями. Думается, что этот вывод (находящийся, кстати сказать, подтверждение в социально-экономической истории Северной Африки) можно было бы расширить. Возможно, отсутствие здесь сельской общины как реальной формы социального идеала трудящихся во многом объясняет особую роль христианства и чисто религиозных форм протеста в Римской Африке.

Две последние главы работы посвящены характеристике донатизма и его связи с агонистиками (стр. 52—71). Эти главы почти не вызывают возражений. Автор кратко, но достаточно аргументированно анализирует сложный социальный состав донатистского движения, подчеркивает существование различных противоречивых направлений в донатизме, представляет различные социальные группы, правильно оценивает основную направленность деятельности агонистиков: вооруженную помощь борьбе донатистов против католической церкви. И в этой части работы мы встречаем оригинальные точки зрения, вполне обоснованные данными источников. Отметим в качестве примера указание Бюттнер на участие в донатизме представителей господствующего класса, которое она объясняет, в отличие от своих предшественников, протестом против имперской централизации и фискальной системы (стр. 55—56), а также

ее толкование деятельности Оптата Тамугадского, в котором она справедливо отказывается видеть защитника интересов угнетенных классов (стр. 62—63).

Нельзя в то же время не возразить против положения Бюттнер о «национальном» фоне (der «nationale» Hintergrund), якобы свойственном донатизму. Как и в первой части своей работы, автор склонен смешивать понятия «туземный» и «национальный». Если туземное эксплуатируемое население Северной Африки боролось против социального гнета и власти Римского государства, это еще не означает, что оно испытывало какие-то «национальные» устремления. Даже если под словом «национальный» понимать (как это, по-видимому, и делает автор) некую этническую общность, то сначала следует все же доказать наличие сознания такой общности у североафриканцев IV в.

Несмотря на отдельные, в основном частные недочеты, работа Г. Бюттнер является ценным марксистским исследованием по истории социальной борьбы в Римской Африке. Место этой работы в историографии вопроса определяется прежде всего тем, что она дает четкое представление об идеологии движения агонистиков. Автор ясно показывает, что за абстрактно-религиозными формами этой идеологии скрывалась большая сила протеста против социальных и политических отношений того времени, и вскрывает в то же время исторически обусловленную специфику и ограниченность этой идеологии. Это позволяет рассматривать работу Бюттнер как существенный вклад в изучение истории борьбы народных масс эпохи поздней античности.

Г. Г. Дилгенский